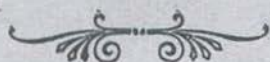

V $\frac{16}{655}$

7516
655

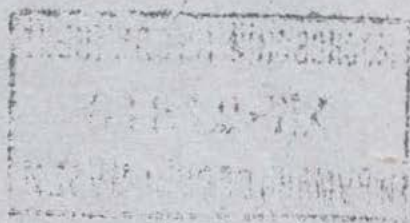
О воспитаніи и о роли въ немъ чувства красоты.

Инспекторъ гимназій
Николай Коджебашъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ
Типографія Кенигсберга и Фитермана
1913.

2011136547

О воспитаніи и о роли въ немъ чувства красоты.

При знаніи слѣдуетъ всегда давать и пищу для сердца...

А. Коменскій.

Между чувствомъ эстетическимъ и гуманнымъ самая глубокая связь

Н. Соловьевъ.

Задача наша, выяснить, на основаніи данныхъ педагогики и психологіи, весьма важный и, думаю, небезынтересный для насъ вопросъ о воспитаніи и о роли, какую играетъ въ немъ чувство красоты, или такъ называемое эстетическое чувство.

Изъ исторіи и современной жизни извѣстно, что дѣло воспитанія подрастающаго поколѣнія всегда было одною изъ важнѣйшихъ заботъ человѣчества, которому будущее столь же дорого, какъ и настоящее или прошедшее. И дикарь, и культурный человѣкъ, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, вездѣ и всегда заботился о томъ, чтобы надлежащимъ питаніемъ возрастить свое дитя, какъ нѣжное деревцо, и подготовить его къ самостоятельной жизни въ той средѣ, въ которой онъ родился. И древніе народы и новые въ воспитаніи дѣтей и юношества видѣли надежный залогъ будущаго благосостоянія общества, государства и націи — и не даромъ законодательства нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ вмѣняли въ строгую обязанность всѣмъ гражданамъ государства, безъ различія положенія и состоянія, заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, будущихъ членовъ и слугъ общества. Конечно, взглядъ на воспитаніе не вездѣ былъ одинаковъ и находился

въ полной зависимости отъ степени культуры даннаго народа или общества. Если у первобытныхъ народовъ, руководимыхъ болѣе инстинктомъ, нежели сознаниемъ, всѣ заботы о воспитаніи сводились къ поддержанію физической жизни дѣтей, если сила и ловкость, необходимыя для борьбы съ окружающею природою и дикими племенами, считались у нихъ идеаломъ воспитаннаго, зрѣлаго человѣка, то у позднѣйшихъ, болѣе развитыхъ народовъ, взглядъ на воспитаніе мѣняется. Сознаніе важности нравственной силы въ человѣкѣ и ея превосходства на силой физической требовало особыхъ заботъ о поддержаніи, о развитіи не только физической жизни дѣтей, но и духовной, о воспитаніи не только тѣла, по и души. Римлянинъ, напримѣръ, руководясь идеаломъ—*mens sana in corpore sano*, заботился въ дѣлѣ воспитанія о томъ, чтобы воспитываемый имъ ребенокъ, пришедши въ возрастъ, сталъ *vir fortis ac sapiens*, Грекъ, воплотившій въ себѣ всѣ лучшія стремленія древняго человѣка, руководился въ дѣлѣ воспитанія идеаломъ гармонически-стройнаго развитія тѣла и души, т. н. калокагаѳтіа и воспитывалъ въ ребенкѣ прекрасную, всесторонне развитую душу, которая должна воплотиться въ прекрасномъ, развитомъ тѣлѣ.

У новыхъ народовъ взглядъ на воспитаніе, подъ вліяніемъ христіанства, нѣсколько расширился. Но, видоизмѣняясь въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, онъ нескоро могъ возвыситься до идеала, указаннаго нѣкоторыми мыслителями Запада и особенно знаменитымъ педагогомъ XVII-го вѣка Амосомъ Коменскимъ (р. 1590—1671 г.), который въ основу физическаго и духовнаго воспитанія положилъ религіозно-нравственное развитіе ребенка. Вотъ его прекрасныя положенія: „воспитаніе человѣка должно быть сообразно съ его природою; въ природѣ человѣка заложены сѣмена добра и стремленіе къ знанію, слѣдовательно задача воспитанія устранить препятствія къ развитію умственному, нравственному и къ

усовершенствованію, заложенному въ его природу, и способствовать ихъ развитію; при знаніи (въ семьѣ и школѣ) слѣдуетъ всегда давать пищу и для сердца, необходимо воспитывать Бога въ душѣ человѣка; конечная цѣль воспитанія— водвореніе царства Божія на землѣ, распространеніе любви и мира между людьми“.

Я привелъ, эти положенія для того, чтобы перейти къ современному намъ взгляду на воспитаніе и показать, насколько взглядъ этотъ неустойчивъ и въ наше время, когда нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною положеній забыты и школой и семьей, когда въ послѣдней еще не научились воспитывать дѣтей, а на первую приносятся жалобы за то, что она не стоитъ на высотѣ своей задачи и не умѣетъ воспитывать.

Немного прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ русскомъ обществѣ сталъ распространяться особый интересъ къ вопросу о воспитаніи дѣтей и юношества и, вмѣстѣ съ добытыми на Западѣ успѣхами въ области естествовѣдѣнія и психологій, стала дѣлать успѣхи и русская наука о воспитаніи. Мы такъ недавно мирились съ тѣмъ, что наши дѣти оканчивали довольно ранній курсъ воспитанія въ семьѣ и школѣ и выходили людьми съ развитымъ умомъ и знаніями, но съ надломленными физическими и религіозно-нравственными силами, безъ того подъема духа, безъ того особаго нравственного настроенія, при которомъ только и возможна любовь къ жизни и стремленіе къ христіанскому идеалу. Мы мирились съ тѣмъ, что наши дѣти воспитывались и обучались при отсутствіи взаимодѣйствія между семьей и школой, когда первая только обучала, но не воспитывала, а вторая, если и воспитывала, то безъ опредѣленныхъ и здравыхъ принциповъ. Зная грековъ и латынянь (римлянъ), мы не знали или лучше знать не хотѣли, что „безъ воспитанія или съ воспитаніемъ ложнымъ человѣкъ есть самое неукротимое изъ всѣхъ существъ“ (Платонъ), что не нравственный и не

добрый человекъ есть безумный человекъ (Квинтильянъ), что *mens sana in corpore sano*. Зная исторію просвѣщенія народовъ, мы не знали, что „школа должна растить не одно древо познанія, но и древо добра“ (А. Коменскій), что „она должна слѣдить за нравственностью учениковъ и хвалиться такими же результатами своей заботливости къ склоненію ихъ души къ добродѣтели и ихъ поведенія къ благовоспитанности, какіе оказываются въ сообщеніи имъ познаній въ классическихъ языкахъ“ (Джонъ Локкъ). Мы забыли, что назначеніе человека совершенствоваться во благо общее и свое не только умственно, но и нравственно, и что въ этомъ отношеніи важно семейное и школьное воспитаніе, которое, по словамъ Гельвеціуса, французскаго философа XVIII в., все можетъ.

Въ настоящее же время, когда въ жизни нашего общества вступили въ свои права стремленія идеальныя, когда замѣтенъ поворотъ къ началамъ религіи и нравственности, и въ литературѣ и въ обществѣ живо интересуются вопросами воспитанія, и предлагаются мѣры къ искорененію недостатковъ семьи и школы—этихъ благодатныхъ разсадниковъ человечества. Мы глубоко убѣждены, что, благодаря усилившемуся интересу къ вопросамъ религіи, нравственности и воспитанія, всѣ жалобы на вырожденіе молодого поколѣнія, вслѣдствіе неправильнаго воспитанія въ семьѣ и переутомленія въ школѣ, жалобы на распространеніе пессимитическаго взгляда и апатіи къ жизни, вслѣдствіе отсутствія идеаловъ и стремленія къ совершенствованію, всѣ нападки на семью и особенно на школу, что она убиваетъ своей программой физическія и нравственныя силы, всѣ сдержанные порывы негодованія и слезы—все прекратится, если семья и школа, соединившись въ ясномъ сознаніи общей своей задачи—воспитывать и обучать подрастающее поколѣніе, уяснять себѣ цѣль и задачу воспитанія и тѣ средства, которыми пользуется послѣднее въ своемъ стремленіи къ цѣли. Какова эта

цѣль мы усмотрѣли изъ вышеприведенныхъ положеній Амоса Коменскаго: воспитаніе стремится начертать въ сердцѣ чловѣка идеаль—любовь къ Богу, природѣ и ближнимъ и вѣчное стремленіе къ истинѣ, добру и красотѣ, въ полной надеждѣ, что люди соединятся въ сознаніи этого идеала и достигнутъ мѣры чловѣческаго совершенства—тогда водворится на землѣ то Божіе царство, о которомъ говоритъ великій педагогъ.

Если цѣль воспитанія столь велика, то задача его очень трудна—не даромъ она достается на долю не одной семьѣ, но и школѣ. Согласно изреченію Монтеня (р. 1533+1592): „воспитывается не душа и не тѣло, а воспитывается чловѣкъ“, воспитаніе должно гармоническимъ воздѣйствіемъ на душу и тѣло развивать природныя, нравственныя и физическія силы и способности, направляя это развитіе, по указанію нравственно-религіознаго идеала, къ тому, чтобы чловѣкъ былъ не полуживотнымъ, какъ говоритъ одинъ англійскій педагогъ, не получеловѣкомъ, не полудухомъ, а полнымъ чловѣкомъ, разумно сознательнымъ существомъ, съ развитымъ умомъ, съ знаніями, съ чуткимъ ко всему доброму, гуманному сердцемъ, съ доброю волею, направляющею его поступки на пользу общую и свою.

При такой трудности задачи воспитанія, допускающей промахи и ошибки, за которые и по настоящее время сильно достается нашей классической школѣ не только со стороны общества, но и семьи, главное вниманіе родителей и педагоговъ должно быть обращено на то, чтобы уразумѣть всѣ тѣ средства, тѣ способы и приемы, которыми скорѣе всего можно осуществить предначертанную задачу и приблизиться къ цѣли, идеалу воспитанія. Я позволю себѣ высказать здѣсь ту мысль, что въ числѣ надежнѣйшихъ средствъ, которыми должны воспользоваться для осуществленія своей задачи наша школа и наша семья, есть одно, давно извѣстное, по недавно вызванное къ жизни средство, очень важное и имѣ-

ющее прямое отношеніе къ окружающей природѣ и природѣ человѣка.

Я разумѣю развитіе врожденнаго человѣку стремленія къ красотѣ, развитіе эстетическаго чувства юноши, ребенка, или т. п. въ педагогикѣ эстетическое воспитаніе—главный предметъ настоящей моей бесѣды.

Всѣми признано, что человѣкъ—лучшая частица мірозданія, въ которую заложена искра Божья, Прометеевъ огонь, и что, въ силу именно этого, въ немъ, есть постоянное стремленіе къ истинѣ, добру и красотѣ, т. е. къ познанію всего сущаго въ мірѣ реальномъ и духовномъ и къ отысканію въ содержаніи и формѣ познаваемаго нравящихся намъ элементовъ, способныхъ вселить въ насъ то особое, счастливое настроеніе, въ которомъ мы какъ бы постигаемъ что-то высшее, лучшее, приближающее насъ къ Творцу и дѣлающее насъ особенно близкими къ тому, что познаемъ, познаемъ ли мы человѣка, или окружающую природу. Мы говоримъ: человѣкъ есть животное, одаренное разумомъ—это значитъ—въ немъ есть та искра, которая воспламеняетъ его душу для постояннаго стремленія къ познанію и къ воспріятію всего возвышеннаго, прекраснаго, что можно извлечь изъ предметовъ познанія и что составляетъ для человѣка идеаль. Удовлетвореніе этого свойственнаго исключительно человѣческой природѣ стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ развиваетъ соотвѣтственныя способности нашей души—умъ и чувства, или, какъ говорятъ, умъ и сердце; развитіе послѣдней способности развиваетъ нашу волю, которая направляетъ наши желанія и дѣйствія либо въ область добра и красоты, либо въ сторону противоположную. Такова природа человѣка, таковъ объектъ воспитанія. Понятенъ отсюда тотъ фактъ, что для цѣли воспитанія важенъ не только умъ, приспособленный къ сознанію всего сущаго, но и чувства, дающія оцѣнку объектамъ познанія и развивающія нашу волю.

Какова же, спрашивается, роль чувства красоты и каково значеніе развитія этого чувства, называемаго обыкновенно эстетическимъ?

Соглашаясь съ мнѣніемъ Платона, выраженнымъ въ діалогѣ „Симпосіонъ“, что чувство эстетическое побуждаетъ созерцать истинное и доброе, я думаю, что оно играетъ роль посредника между познающимъ умомъ и чувствомъ добра, или что то-же чувствомъ религиозно-нравственнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стремясь къ познанію предметовъ и явленій, изучая природу и человѣка, знакомясь съ добытыми человѣчествомъ познаніями въ области наукъ и искусствъ, нашъ умъ находитъ себѣ въ чувствѣ красоты такого союзника, который позволяетъ ему приближать къ себѣ познаваемые предметы и явленія, находитъ ихъ привлекательными для зрѣнія и слуха.

Все, что существуетъ въ мірѣ реальномъ и духовномъ, мы познаемъ со стороны содержанія и формы, мысли и ея выраженія, со стороны, такъ сказать, внутренней и внѣшней, и такъ какъ форма обнимаетъ содержаніе, то она и останавливаетъ наше вниманіе прежде всего. Чудное сочетаніе разнообразныхъ линій и цвѣтовъ, гармонія звуковъ, словъ и движеній, мѣрное, правильное соотношеніе предметовъ и ихъ частей, соразмѣрность дѣйствій и отношеній въ жизни человѣка и природы—все это удовлетворяетъ нашему чувству красоты, привлекаетъ насъ, нравится намъ, и мы называемъ предметы и явленія красивыми, изящными прекрасными.

Міръ реальный (собственно матеріальный) со всѣми прелестями природы,—конечно, первый, обильный источникъ, откуда чувство красоты черпаетъ богатый матеріалъ для своего удовлетворенія. И ландшафты, и море, и небо съ его явленіями, и разновидности животнаго царства, и шелестъ листьевъ, и журчаніе ручейка—все приковываетъ наше

вниманіе своими разнообразными элементами красоты, все дѣйствуетъ на наше сердце и доставляетъ намъ удовольствіе, которое мы называемъ эстетическимъ. Но въ погонѣ за послѣднимъ, мы не удовлетворяемся тѣмъ, что даетъ намъ міръ реальный, и стремимся, съ одной стороны, къ сведенію всѣхъ разрозненныхъ въ природѣ элементовъ красоты въ одно своеобразное цѣлое, съ другой—къ отысканію новыхъ элементовъ за предѣлами всего видимаго, за предѣлами формы, въ надеждѣ найти тамъ нѣчто лучшее, нѣчто болѣе удовлетворяющее потребности души. Воображеніе—творческая сила ума — является намъ на помощь и переноситъ насъ въ міръ невидимый, духовный, въ область человѣческаго духа. Здѣсь открывается передъ нами широкое поле для воспріятія путемъ наблюденія и самонаблюденія высшей, лучшей красоты, для воспріятія того, что мы называемъ прекраснымъ катексохенъ, или истинно прекраснымъ. Здѣсь разрозненные элементы формальной, внѣшней красоты перерабатываются, группируются въ лучшее цѣлое, въ идеаль этой красоты, въ идеаль прекраснаго, который воплощается затѣмъ въ реальный образъ, въ произведеніе искусства и служитъ источникомъ высокаго, эстетическаго наслажденія. Здѣсь мы находимъ новые, лучшіе элементы красоты, элементы высшаго, духовнаго, нравственнаго свойства, которые одинаково удовлетворяютъ и чувству красоты и чувству добра. Здѣсь, по закону совмѣстнаго существованія, эти два чувства сталкиваются въ своихъ стремленіяхъ, и оказывается, что предметъ стремленій чувства красоты есть то нравственно-доброе и прекрасное, та внутренняя, духовная красота, которую ищетъ чувство добра во всякомъ явленіи жизни человѣка и даже въ природѣ... Какъ видно, постоянное стремленіе къ красотѣ и созерцаніе объектовъ реального міра приводитъ, во-первыхъ, къ созданію идеала формальной красоты, воплощаемого въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства, наprimѣръ

живописи и музыки, а во вторыхъ, къ созерцанію элементовъ красоты высшаго свойства, которые мы называемъ духовными, нравственными, добрыми. Эти послѣдніе, подобно разрозненнымъ элементамъ формальной красоты, группируются творческой силой, воображенія въ одно цѣлое, и такимъ образомъ создается тотъ идеаль лучшаго, высокаго, нравственно-прекраснаго и добраго, проявленія котораго мы видимъ въ частной и общественной жизни людей и въ художественныхъ произведеніяхъ поэзіи, музыки (вышей), пѣнія и другихъ искусствъ. Никто, конечно, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что проявленія идеала нравственно-прекраснаго, удовлетворяя чувству добра, особенно удовлетворяютъ нашему чувству красоты и доставляютъ намъ высшее, духовное наслажденіе; вотъ почему эти проявленія должны быть названы по преимуществу прекрасными, или истинно-прекрасными, въ отличіе отъ проявленій идеала формальной красоты и объектовъ внѣшняго міра, которые называются то красивыми, то прекрасными. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, какъ кажется, вывести заключеніе, что есть точки соприкосновенія между стремленіемъ къ красотѣ и стремленіемъ къ добру, и что эстетическое чувство вводитъ насъ въ область нравственности и добра; не даромъ, вѣдь въ Св. Писаніи и у духовныхъ писателей красота человѣческая называется „добротой“, и, наоборотъ, доброта души называется красотой ¹⁾, а у насъ нерѣдко смѣшиваются понятія: хорошій и красивый, добрый и прекрасный.

Указавъ на роль чувства красоты въ душевной жизни человѣка, мы продолжимъ нашу бесѣду выясненіемъ того, насколько важно въ интересахъ воспитанія развитіе этого чувства какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ.

¹⁾ Погубихъ первозданную доброту и благолѣпіе мое...“ См. Канонъ Андрея Критскаго съ объясн. и прим. В. Дьяконова. М. 1889 г. стр. 99, см. также страницы 16, 17, 50, 56 и 152.

Еще Шиллеръ, воспитанный на классическихъ произведеніяхъ древней Греціи и Рима, сознавалъ, что „между нравственными и эстетическими началами не великая разница“, а Николай Соловьевъ въ предисловіи къ своему сочиненію „Искусство и жизнь“ ¹⁾ категорически говоритъ, что „между этикой и эстетикой нѣтъ существенной разницы“ и „что чувство нравственное есть то-же, что чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣствительной жизни“. Слѣдовательно, развивать чувство красоты въ дѣтяхъ, воспитывать дѣтей эстетически—значить вселять въ нихъ начала нравственности и добра, воспитывать ихъ душу, дабы они проникнулись стремленіемъ къ идеалу жизни—быть совершенными во благо общее и свое. Это положеніе требуетъ поясненія. Извѣстно, что въ дѣлѣ воспитанія важную роль играютъ упражненія и примѣры, которые дѣйствуютъ сильнѣе, нежели скоро забываемыя правила—вотъ почему извѣстный философъ и педагогъ Джонъ Локкъ (р. 1632+1704) совѣтуетъ „укрѣплять въ дѣтяхъ все то, что они должны дѣлать, неуклоннымъ упражненіемъ каждый разъ, какъ къ тому представится случай и, если возможно, создавать такіе случаи“. Упражненія и примѣры порождаютъ, въ свою очередь, привычки, а эти послѣднія дѣйствуютъ въ интересахъ воспитанія безъ особой помощи со стороны воспитателей, сами собой, легко и естественно. Сила привычекъ такова, что если упражнять ребенка въ чемъ-нибудь, противномъ даже его природѣ и способностямъ, то онъ пріучится находить для себя пріятнымъ и полезнымъ это послѣднее, и никакая человѣческая сила не заставитъ его бросить пагубную привычку и полюбить истинно-пріятное и полезное. Если, поэтому, можно, подобно Митридату, привыкнуть къ яду во всѣхъ его видахъ, начиная съ куренія табаку, если можно зарывать свои природныя та-

¹⁾ „Искусство и жизнь“. Критическія статьи. 3 части. М. 1869 г.

ланты и вмѣсто ученія и развитія полюбить лѣнь и невѣжество, если можно, наконецъ, вопреки совѣсти, сознанію долга и врожденнымъ чувствамъ, лгать, нарушать естественный порядокъ и любоваться бессмысленными, грязными картинками, то можно и слѣдуетъ пріучать дѣтей и юношей любить, во-первыхъ, природу съ ея явленіями и художественную обстановку жизни и, во-вторыхъ, прекрасныя проявленія духовнаго міра человѣка съ его стремленіями и идеалами и воплощеніе этихъ послѣднихъ въ поэзіи, музыкѣ, пѣніи, живописи и другихъ искусствахъ, т. е. слѣдуетъ пріучать дѣтей любить всѣ объекты прекраснаго, доступные и зрѣнію и слуху, чтобы затѣмъ полюбили они то истинно-прекрасное, то нравственно-благое, которое сдѣлаетъ ихъ не только умными, знающими и развитыми эстетически, но и добрыми, нравственными, съ возвышенной душой, съ любовью къ Богу и ближнимъ, съ стремленіемъ къ идеалу.

Пріучить дѣтей любить природу нетрудно, тѣмъ болѣе, что сама она, по словамъ Гумбольдта, „дѣйствуетъ на нравственную сторону человѣка своей фizioноміей, точно такъ же, какъ человѣкъ дѣйствуетъ на человѣка своей фигурой или выразительностью чертъ и красотою формъ“.

Непосредственное воспріятіе красотъ природы во время частыхъ прогулокъ или путешествій и знакомство съ этими красотою посредствомъ чтенія и произведеній искусствъ вырабатываетъ привычку восхищаться природой, любить ее и находить, подобно Пифагору, что въ ней все не только вытекаетъ одно изъ другого, но еще и гармонируетъ одно съ другимъ, т. е., что въ ней все не только разумно, но и хорошо. Эта привычка заставитъ дѣтей относиться съ любовью къ людямъ, какъ объектамъ природы, и отворачиваться отъ всего некрасиваго, непривлекательнаго, безобразнаго и низкаго какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Они будутъ любить, въ подражаніе природѣ, внѣшній и внутренній порядокъ

въ жизни, соразмѣрность въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ и гармонію какъ въ собственной душѣ между стремленіями и желаніями, такъ и во внѣшнихъ ея проявленіяхъ между мыслями, желаніями и дѣйствіями и въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ. Они будутъ воздержанны, вѣжливы и чутки ко всему тому, что недостойно человѣка—лучшаго изъ объектовъ внѣшней и внутренней красоты. Примѣрами благотворнаго вліянія красоть природы могутъ служить наши русскіе писатели: на девятилѣтняго Лермонтова ¹⁾ имѣлъ большое вліяніе чудный Кавказъ, на Гоголя—восхитительная природа Малороссіи, а на Аксакова—широкія степи съ безконечною далью....

Обстановка жизни, подобно природѣ, играетъ также не малую роль въ дѣлѣ развитія чувства красоты. Простое, но чистенькое помѣщеніе, гдѣ во внѣшнемъ порядкѣ виденъ художественный вкусъ, привлекательная чистота и опрятность во всемъ, начиная съ платья, гуманное внѣшнее обхожденіе старшихъ съ младшими, пѣніе и, если возможно музыка, граціозные танцы, картины, портреты и садикъ—все это, упражняя зрѣніе и слухъ, пріучаетъ дѣтей любить окружающую обстановку, любить порядокъ, чистоту, гуманное, вѣжливое обхожденіе, гармонирующее съ обстановкой, ритмъ и гармонію звуковъ, грацію движеній и то, что художественно изображено на картинахъ или правильно выражено на портретахъ. Дѣти будутъ избѣгать впослѣдствіи грубости, рѣзкости въ поступкахъ, какъ непріятной дисгармоніи въ человѣческихъ отношеніяхъ, полюбятъ душевную гармонію и грацію, внутреннюю красоту и будутъ добрыми, нравствен-

Созерцаніе красоть природы доставляло Лермонтову минуты особаго счастливаго настроенія—см. „Когда вольнуется желтѣющая нива“.

.....
Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

ными и привѣтливыми.

Что же касается развитія эстетическаго чувства на объектахъ высшей, духовной красоты, на объектахъ истинно-прекраснаго, на проявленіяхъ духовно-нравственнаго міра человѣка съ его стремленіями и идеалами и на произведеніяхъ художественной поэзіи, музыки, пѣнія и другихъ искусствъ, то польза этого развитія столь велика и очевидна, что мы съ чувствомъ особой радости привѣтствуемъ два важныхъ факта нашей педагогической жизни, какъ явное свидѣтельство выработавшагося болѣе развитога взгляда на воспитаніе вообще и на эстетическое воспитаніе въ частности. Я разумѣю, распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія 1889 го года и появленіе въ литературѣ статей по эстетическому воспитанію, зъ числѣ коихъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія статья извѣстнаго нашего педагога Виктора Острогорскаго, помѣщенная въ журналѣ „Вѣстникъ воспитанія“ (№№ 4, 5, и 6) за 1890 годъ, подъ заглавіемъ „Письма объ эстетическо-литературномъ образованіи“. Такъ какъ министерское распоряженіе касается нашей школы, а статья Острогорскаго затрогиваетъ семью, то мы остановимся сначала на этой статьѣ и приведемъ изъ нея то характерное мѣсто, гдѣ говорится о значеніи развитія эстетическаго чувства на объектахъ высшей, духовной красоты. Вотъ это мѣсто: „Но да помнятъ родители и мать въ особенности, говоритъ Острогорскій, что никакая эстетическая обстановка, никакія прекраснѣйшія книги не дадутъ еще ребенку и юношѣ того добраго эстетическаго настроенія, въ которомъ съ требованіемъ красоты, такъ сказать, формальной, человѣкъ соединяетъ и требованіе красоты правды и добра,—того настроенія, которое одно залогъ счастья, мира съ самимъ собою (гармоніи) и полезнаго существованія. Такое настроеніе можетъ образоваться только въ такой семьѣ, гдѣ господствуетъ эстетическая атмосфера, или иначе сказать, извѣстные вкусы,

взаимныя отношенія и складъ жизни, независимые отъ большаго или меньшаго матеріальнаго достатка.... Домъ, гдѣ только приобрѣтають и потребляютъ, гдѣ всѣмъ дѣло только до себя и про себя, безъ всякой сердечной, нравственной связи между членами ея и съ обществомъ и его лучшими интересами; гдѣ музыка, портретъ, картина, даже книга — случайная роскошь, гдѣ чтеніе ограничивается газетой или глупымъ романомъ, гдѣ отдыхъ отдается винту, закускѣ, балу, свѣтской болтовнѣ,—такой домъ не дастъ дѣтямъ и низшаго эстетическаго развитія въ смыслѣ формы. Тѣмъ болѣе не дастъ такой домъ эстетическаго развитія высшаго, въ смыслѣ облагороженія и возвышенія духа, въ смыслѣ развитія альтруизма, гуманности, стремленія къ идеалу, въ смыслѣ любви къ жизни и наслажденія созерцаніемъ добраго, прекраснаго, высокаго. Чтобы все это любить и этого желать, надобно сызмальства видѣть этому всему примѣры не только въ книжкѣ, но и въ жизни, на ближайшихъ къ ребенку людяхъ—его родителей, въ собственныхъ ихъ стремленіяхъ къ благороднѣйшимъ цѣлямъ. Разъ же ничего этого въ домѣ нѣтъ, ничего подобнаго ребенокъ, а затѣмъ юноша ни въ комъ изъ окружающихъ не видитъ, не мудрено, что онъ не повѣритъ прекрасному... И выходитъ изъ такого бѣднаго юноши никому ненужный, праздный.... Природа передъ нимъ нѣма; съ людьми, съ обществомъ нравственной, духовной связи никакой—ничего отраднаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ... ни единой радости ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ.... ¹⁾Таковы слова опытнаго педагога. Эти слова относятся къ семьѣ, нашему милому очагу, у которого должно быть не только тепло, но и свѣтло. Нѣтъ въ семьѣ свѣта, нѣтъ примѣровъ всего истинно-прекраснаго, всего высокаго, добраго и нравственнаго, нѣтъ пониманія идеаловъ, нѣтъ

¹⁾ См. стр. 33—35 „М. Восп.“ № 5-ый.

любви къ художественнымъ произведеніямъ искусства, въ которыхъ воплощаются эти послѣдніе,—изъ такой семьи выйдутъ нравственные калѣжки, способные забыть свой очагъ, своихъ родителей и близкихъ. Горе той школѣ, которая приметъ къ себѣ такихъ калѣжекъ; она не справится съ ними, потому что ея задача не исправлять дѣло семьи, а способствовать этому дѣлу, обучая и воспитывая тѣми средствами, какія находятся въ ея распоряженіи; ей не помогутъ никакіе циркуляры, никакія распоряженія, ни даже то распоряженіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, какъ о важнѣйшемъ фактѣ нашей педагогической жизни.

Въ началѣ 1889-го года Министерство Народнаго Просвѣщенія обратило особенное вниманіе на эстетическую сторону развитія учениковъ средне-образовательной школы и съ этой цѣлью разослало повсюду распоряженіе объ усиленіи въ гимназіяхъ занятій музыкой и пѣніемъ.

Подъ вліяніемъ этого распоряженія, въ новыхъ учебныхъ планахъ обращено серьезное вниманіе на развитіе въ учащихся вкуса къ русскому языку и литературѣ и требуется, чтобы понятое во время перевода съ древнихъ языковъ было передано правильнымъ и возможно изящнымъ русскимъ языкомъ; кромѣ того, обращено вниманіе на усиленіе преподаванія рисованія и чистописанія—этихъ вспомогательныхъ въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія предметовъ обученія.

Наша школа не можетъ, конечно, не радоваться внесенію въ ея жизнь оживляющаго, эстетическаго элемента. Правда, въ ней и раньше не брезгали эстетикой, въ ней и раньше преподавалась музыка, пѣніе и другія искусства, и отечественная поэзія, вмѣстѣ съ переводами классическихъ произведеній древней Греціи и Рима, считалась важнѣйшимъ факторомъ воспитанія съ точки зрѣнія именно тѣхъ элементовъ красоты, которыми она наполняла воображеніе и сердце учащихся. Но только теперь признано и *de jure* и *de facto*, что

эстетическій элементъ въ воспитаніи долженъ быть сильнѣе, и что значительный перевѣсъ формальнаго развитія ума и обогащенія познаніями надъ развитіемъ сердца и воли столь же вреденъ, какъ и перевѣсъ душевнаго развитія надъ физическимъ. Теперь русская и классическая поэзія, музыка, пѣніе и другія искусства по праву служатъ дѣлу воспитанія и вмѣстѣ съ другими предметами обученія составляютъ ту гармонію въ жизни гимназіи, которая воспитываетъ цѣльнаго человѣка.

Мы не будемъ долго останавливаться на выясненіи значенія поэзіи—этого чистѣйшаго и благороднѣйшаго изъ искусствъ. Происхожденіе ея отъ боговъ, а потому пусть она сама говоритъ за себя въ тѣхъ художественныхъ произведеніяхъ творчества, на которыхъ мы воспитываемъ нашъ вкусъ и которыя доставляютъ намъ высшее изъ возможныхъ для человѣка наслажденій. Но нашъ долгъ воспользоваться случаемъ и момануть добрымъ словомъ одного изъ выдающихся нашихъ поэтовъ—Михаила Юрьевича Лермонтова, Лермонтовъ воплотилъ въ прекрасной, увлекающей душу формѣ лучшія, завѣтныя стремленія человѣка къ истинѣ, добру и красотѣ, воплотилъ идеаль любви къ Творцу и Его созданію и твердую вѣру въ лучшее неземное, пребывающее тамъ гдѣ живетъ Вѣчная Правда и Совершеннѣйшая Красота. Вспомните его чудную „Молитву“, съ непонятною въ ней святою прелестью, вспомните тихую пѣснь Ангела, которому „внимали и мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой“ и душу младую, „какъ долго на свѣтѣ томилась она желаніемъ чуднымъ полна и какъ звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“. Какое жгучее стремленіе къ лучшему, какая тоска по идеалѣ выражена въ прелестныхъ, живыхъ стихахъ! По содержанію, по идеѣ поэзія Лермонтова, несомнѣнно, возвышенна и гуманна, а по формѣ полна гармоніи неземныхъ звуковъ. Она уноситъ насъ изъ суеты мірской въ иной, луч-

шій міръ, возвышаетъ нашъ духъ надъ всѣмъ, что въ жизни есть временнаго и нехорошаго, и поддерживаетъ въ насъ ту тлѣющую по временамъ искру, которая воспламеняется для доступныхъ исключительно человѣку стремленій къ вѣчно живущимъ идеаламъ. Правда, въ ней мы не находимъ, какъ въ поэзіи Пушкина, свѣтлаго луча надежды и вѣры въ возможное осуществленіе на землѣ того лучшаго, къ чему стремится человѣкъ, но это не мѣшаетъ ей въ сущности быть высоко художественной и дѣйствовать на нашу душу освѣжающимъ и облагораживающимъ образомъ. Такова поэзія Лермонтова, такова вообще истинная поэзія, на которой школа воспитываетъ своихъ питомцевъ, въ надеждѣ видѣть ихъ всесторонне-развитыми,—съ возвышеннымъ умомъ, идущимъ значительно дальше Маниловскихъ мечтаній, съ чуткимъ ко всему доброму, прекрасному сердцемъ и съ твердой волей, направляющей наши дѣйствія во имя идеала.

Въ близкомъ отношеніи къ поэзіи находится музыка—этотъ могучій языкъ нашихъ чувствъ. Еще у древнихъ грековъ мѣрная поэтическая рѣчь, ритмъ и гармонія словъ подводимы были подъ категорію музыки—и не даромъ поэзія называлась у нихъ поэзисъ хе ката музикенъ а музыка считалась необходимымъ ея дополненіемъ. Позднѣе, въ новое время музыка получила самостоятельное значеніе и стала могучимъ стимуломъ развитія чувства красоты и вліянія на нашу душу въ смыслѣ воспитательномъ. Кто не знаетъ былинны о Садкѣ-Новгородскомъ гостѣ, въ которомъ рассказываетъ, между прочимъ, о томъ, какъ этотъ герой „началъ однажды играть въ гусельки яровчаты, и какъ въ озерѣ вода всколебалася, и морской царь пожаловалъ героя за игру нѣжную“. Кому не извѣстно, что музыка заставляетъ и плачущаго ребенка смѣяться, и взрослого человѣка упиваться ея звуками или же отвѣчать ей движеніями и павшаго духомъ солдата воодушевляться на бой. Всѣ, въ томъ числѣ и вра-

ги искусства ¹⁾), единогласно признають, что музыка имѣетъ неотразимое вліяніе на человѣка ²⁾). Она чаруетъ и въ театрѣ, и на концертахъ, и въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ; она имѣетъ пристанище и въ палатахъ богача, и въ хижинѣ мужика; ею дорожатъ во всякомъ благовоспитанномъ обществѣ, а на христіанскомъ Западѣ она служитъ орудіемъ молитвеннаго возношенія къ Богу.

Въ чемъ-же сила музыки? Сила музыки въ гармоніи, въ томъ чудномъ сочетаніи разнообразныхъ звуковъ природы и человѣческой души, которое, съ одной стороны, доставляетъ намъ высокое наслажденіе, удовлетворяя чувству красоты, съ другой—будитъ въ насъ лучшія стремленія нашей души, выражая міръ человѣческихъ чувствъ. Послѣднее очень важно по отношенію къ воспитанію. Воспринимая музыкальные звуки, выражающіе восторгъ и радость, горе и печаль, мы соотносимъ свои психическія состоянія радости и печали съ данными объектированными въ музыкѣ состояніями, мы какъ бы видимъ передъ собою то лицо, которое печалится, радуется, видимъ выраженные душевныя состоянія—и невольно, въ силу врожденной человѣку способности соотносить, учимся сострадать, сочувствовать, учимся любви къ человѣку и къ самой природѣ, давшей намъ матеріалъ звуковъ для столь прекраснаго выраженія человѣческихъ чувствъ. Музыкальная гармонія силой своего дѣйствія возбуждаетъ въ насъ чувство душевной гармоніи, чувство мира съ собой, съ окружающими и самой жизнью ³⁾). Понятно отсюда значеніе му-

¹⁾ Гр. Л. Толстой—великій художникъ и писатель—не отрицаетъ вліянія музыки на человѣка, но въ своей „Крейцеровой сонатѣ“ проводитъ довольно странный взглядъ на это облагораживающее душу искусство.

²⁾ См. „Колоколь“ Шиллера.

³⁾ Сверхъ того, по даннымъ медицины, музыкальная гармонія вліяетъ благотворно на кровообращеніе, способствуетъ правильному обмѣну веществъ въ организмѣ и, такимъ образомъ, имѣетъ значеніе не только въ нравственномъ воспитаніи, но и въ физическомъ.

зыки въ кругу другихъ предметовъ обученія въ средне-образовательной школѣ

Пѣніе—та-же музыка. Но эта музыка не нуждается ни въ струнныхъ, ни въ духовыхъ инструментахъ, такъ какъ мудрая природа, наполняя своею гармоніею все окружающее, позаботилась надѣлать насъ не только способностью чувствовать гармонію, но и особымъ физическимъ инструментомъ, благодаря которому мы произносимъ особые музыкальные тоны, самые чистые гармоническіе звуки. Послѣдніе свидѣтельствуютъ о томъ, что и намъ присущъ законъ міровой гармоніи, что и мы должны, подобно окружающей природѣ, слѣдовать этому закону и не только наслаждаться гармоніей, но и проникаться ею и воспроизводить ее.

Только частыми упражненіями въ теоріи и практикѣ можно научиться воспроизводить гармонію въ пѣніи,—и что значить эта гармонія, какое неотразимое вліяніе имѣетъ она на человѣка, каждый знаетъ. Древній миѳъ объ Орфеѣ, укрощавшемъ своимъ пѣніемъ дикихъ звѣрей, не лишенъ по идеѣ смысла и въ наше время. Церковное пѣніе, приносимое на жертвенный алтарь Богу, хоръ и аріи въ театрѣ, концертахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ и простая пѣсня, выражающая неподдѣльные чувства радости и печали, настраиваютъ насъ такъ, что мы успокаиваемся въ волненіи и скорби, чувствуемъ въ своей душѣ пріятную гармонію и, забывъ окружающую суету, не гармонирующую съ нашимъ настроеніемъ, дѣлаемся способными и молиться, и жить для другихъ, и вѣрить въ идеалы... Конечно, чѣмъ чаще наслаждаемся звуками пѣнія, тѣмъ чаще настраиваемся выше указаннымъ образомъ—и постепенно привыкаемъ не только къ внѣшней гармоніи, но и внутренней; а такъ какъ гармонія не раздѣльна съ красотой, то мы привыкаемъ любить прекрасное, хорошее и отворачиваемся отъ безобразнаго, низкаго. Слѣдуетъ, поэтому, учиться пѣнію и видѣть въ немъ одинъ изъ

важнѣйшихъ факторовъ эстетическаго, а потому и нравственнаго воспитанія.

Кромѣ указанныхъ предметовъ, въ дѣлѣ нравственно-эстетическаго воспитанія играютъ роль и такіе вспомогательные предметы, какъ рисованіе, чистописаніе и танцы. Всѣ они, особенно танцы, направлены къ развитію въ учащихся вкуса къ красотѣ внѣшнихъ очертаній предметовъ и движеній, къ тому, что мы называемъ симметрией, соразмѣрностью, граціей, гармоніей; этотъ вкусъ, въ свою очередь, развиваетъ въ нихъ наблюдательность въ оцѣнкѣ познаваемыхъ вещей и стремленіе подражать соразмѣрности, граціи и гармоніи въ своихъ собственныхъ движеніяхъ. Граціозная поступь, соразмѣрное движеніе корпуса и его частей, вообще ловкость и граціозность въ движеніяхъ привлекательны для всѣхъ и имѣютъ то воспитательное вліяніе, что придаютъ дѣтямъ и юношамъ приличную увѣренность въ себѣ и умѣніе держаться въ благовоспитанномъ обществѣ.

Таково значеніе предметовъ, направленныхъ, по мысли Министерства, къ развитію въ учащихся чувства красоты.

Въ концѣ своей бесѣды позволю себѣ выразить твердую надежду, что наша школа, по почину семьи, исполнитъ свою трудную задачу, если въ ней обращено будетъ надлежащее вниманіе на развитіе въ учащихся не только ума, но и сердца и, главнымъ образомъ, на развитіе врожденнаго чувства красоты, какъ на одно изъ надежнѣйшихъ средствъ воспитать изъ молодыхъ питомцевъ юношей зрѣлыхъ и умственно и нравственно развитыхъ.

Н. Коджебашъ.

17614

2011136547